
Греческая революция и мифологема заговора тайных обществ

Михаил Белоусов, Ясын Абдуллаев

The Greek revolution and the myth of the conspiracy of secret societies

Mikhail Belousov (Saint Petersburg State University, Russia),

Yasyn Abdullaev (University of California, Berkeley, USA)

DOI: 10.31857/S0869568722050077, EDN: KLDNLC

В 1814 г. в Одессе группа влиятельных членов греческой диаспоры основала тайное «Общество друзей» («Филики Этерия»). Его деятельность отражала широко распространившиеся в конце XVIII – начале XIX в. в Европе и России идеи филэллинизма¹ и была направлена на освобождение греческого народа из-под власти Османской империи². Одним из наиболее важных шагов на пути к достижению этой цели стало назначение в конце 1820 г. на должность генерального инспектора общества героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора кн. А.К. Ипсиланти. 22 февраля (6 марта) 1821 г. вместе с группой верных ему людей он выехал в пределы вассальной Порте Молдавии и дал сигнал к началу антитурецкого восстания. Одновременно в Валахии развернулось крестьянское движение под руководством Т. Владимиреску, ветерана русско-турецкой войны 1806–1812 гг.³ Несмотря на скорый разгром обоих мятежей, смерть Владимиреску и бегство кн. Ипсиланти, события в Дунайских княжествах стали катализатором освободительной войны уже на территории самой Греции, 25 марта (6 апреля) 1821 г. она началась на Пелопоннесе. Данный конфликт затянулся на восемь лет, охватил Балканы и взбудоражил Европу и Ближний Восток.

Как отмечали современники, греческая революция вызвала живой отклик в русском обществе и на долгое время стала одной из главных тем для дискуссий в различных салонах, кружках и правительственных сферах. Ещё С.М. Соловьёв, а вслед за ним С.С. Татищев и С.А. Жигарев писали о сложном выборе российского самодержавия между сочувствием к единоверцам и осуждением восставших «бунтовщиков», напоминавших своими действиями испанцев и итальянцев⁴. Советские историки делали акцент на «реакционно-

© 2022 г. М.С. Белоусов, Я.С. Абдуллаев

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда «Антропология политического кризиса: кейс междоусарствия 1825 года», проект № 19-78-00040.

¹ О западном филэллинизме и его самом известном представителе – бароне Дж.Г. Байроне написано несколько работ: *Beaton R.* Byron's War: romantic rebellion, greek revolution. N.Y., 2013; *Rosen F.* Bentham, Byron and Greece: constitutionalism, nationalism, and early liberal political thought. Oxford, 1992.

² Подробнее о «Филики Этерия» см.: *Frangos G.D.* The Philike Etaireia, 1814–1821: A social and historical analysis. Ph.D. Diss. N.Y., 1971.

³ О Т. Владимиреску и его связях с Россией см.: *Tappe E.D.* The 1821 revolution in Romanian principalities // *The Greek struggle for independence* / Ed. R. Clogg. L., 1973. P. 134–155; *Jelavich B.* Russia and the formation of the Romanian national state. Cambridge, 1984. P. 35–49.

⁴ *Соловьёв С.М.* Император Александр Первый. Политика – дипломатия. СПб., 1877. С. 478; *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887. С. 140; *Жигарев С.А.* Русская по-

сти» политики царизма в Восточном вопросе⁵. Восстание Ипсиланти и последовавшие за ним события стали рассматриваться как эпизод национально-освободительного движения⁶, а формирование внешней политики Российской империи тех лет изображалось как противоборство условных партий «войны» и «мира». Так, А.В. Фадеев усматривал в правящих кругах «прогрессивных» сторонников вмешательства в борьбу на Балканах и их «реакционных» противников⁷. Академик А.Л. Нарочницкий, писавший об охранительном курсе царского правительства, отмечал в нём известный раскол и несогласие с императором многих «умеренно-либеральных» деятелей⁸. В зарубежной историографии подробно освещалось отношение русского общества к греческой революции 1821 г., а также влияние на возникавшие разногласия двойного руководства МИД в 1815–1821 гг.⁹

В обозначенном в историографии противостоянии сторонников нового крестового похода на Восток и приверженцев международной контрреволюции «голуби» явно находились в меньшинстве, но это с лихвой компенсировалось солидарностью с ними Александра I. Кроме царя, к их числу обычно относят вел. кн. Константина Павловича, графов К.В. Нессельроде и Д.А. Гурьева, а также Д.П. Татищева. Более решительная позиция «ястребов» среди правительственных особ считалась популярнее. С теми или иными оговорками её разделяли гр. И.А. Каподистрия, генералы гр. М.С. Воронцов, А.П. Ермолов, А.А. Закревский, П.Д. Киселёв и А.И. Чернышёв, послы в Париже и Лондоне К.О. Поццо-ди-Борго и гр. Х.А. Ливен, посланники в Вене и Константинополе гр. Ю.А. Головкин и барон Г.А. Строганов. Согласно классическим представлениям, пока одни призывали немедленно аннексировать Дунайские княжества, объявить войну Турции и помочь православным братьям в их борьбе против мусульманского ига, других более беспокоили потенциально деструктивные последствия балканских событий для спокойствия и безопасности Европы, их революционный характер и возможная связь с мятежами в Испании и Италии.

Однако постулируемое обычно наличие двух «партий» плохо объясняет логику поступков основных действующих лиц этих событий, а деление политической элиты на «национальных патриотов», защищавших интересы России, и «космополитических реакционеров», верных идеям Священного союза, не помогает выявить особенности восприятия и описания имперской бюрократией греческой революции, отразившихся в комплексе различных делопроизводственных и нарративных источников, в мемуарах, эпистолярии, публицистике и т.д.

литика в восточном вопросе (её история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Т. 1. М., 1896. С. 301.

⁵ *Девтеров А.А.* Греческий вопрос в политике Российской империи во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Майкоп, 2003.

⁶ *Ариш Г.Л.* Тайное общество «Филики Этерия». Из истории борьбы Греции за свержение османского ига. М., 1965; *Ариш Г.Л.* Этеристское движение в России: освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970.

⁷ *Фадеев А.В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958. С. 47–85.

⁸ *Нарочницкий А.Л.* Греческое национально-освободительное движение и Россия // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 67–68.

⁹ *Prousis Th. C.* Russian cultural response to the Greek war of independence (1821–1830). Ph.D. Diss. Indianapolis, 1982. P. 67–68; *Grimstead P.K.* The Foreign ministers of Alexander I: political attitudes and the conduct of Russian diplomacy, 1801–1825. Berkeley, 1969. P. 203–204.

Выступление кн. Ипсиланти и восстание в Морее произошли в тот период, когда основное внимание сановников и дипломатов империи было сосредоточено на событиях в Испании, Пьемонте и Неаполе. Со времён Французской революции многие её современники привыкли видеть в различных кризисах прежде всего следствие подрывной деятельности тех или иных тайных обществ¹⁰. В политическом истеблишменте 1820-х гг. широкое распространение получил миф о заговоре некоего могущественного «руководящего комитета революционеров», находившегося будто бы в Париже и управлявшего сетью тайных обществ по всей Европе. Считалось, что они желали разрушить все «троны и алтари» от Пиренеев до Петербурга и через своих многочисленных агентов из представителей «свободных профессий», офицеров и интеллигенции могли совершить переворот в любой точке света¹¹. Подобный конспирологический подход являлся культурной доминантой, во многом определявшей восприятие и интерпретацию происходившего в мире, независимо от оценки греческих повстанцев или отношения к идее войны с Турцией.

В полной мере это проявлялось в среде российского генералитета. Так, начальник штаба 2-й армии генерал-майор Свиты Киселёв, судя по его переписке с Закревским и бароном И.И. Дибичем, где постоянно обсуждались планы предстоящего конфликта, был настроен весьма воинственно¹². В 1822 г. в собственноручной записке о «гетерии» он признавал её роль в разжигании революции в Валахии и дестабилизации обстановки на Балканах, однако отмечал, что «это общество не имело никакого отношения к масонству-карбонарству и ко всем другим сектам, существовавшим до сих пор. Оно не знало ни лож, ни собраний и не имело никаких ритуалов, составляющих их»¹³. Поэтому Киселёв в июле 1822 г. с радостью писал Закревскому о победах греков над мусульманским флотом и сожалел о пассивности России, хотя ещё в январе выражал надежду на то, что «русские пойдут к Пиренейским горам, где республиканцы объявили смертную войну всем царям и в особенности дому Бурбонов»¹⁴.

Закревский, занимавший тогда должность дежурного генерала Главного штаба, критически отзывался о действиях кн. Ипсиланти, «не важно отличившегося», и называл его поступок «противным нашей политике»¹⁵. Он высказывался за войну прежде всего потому, что «необузданные толпы могут ворваться в наши пределы, тогда срам будет порядочный»¹⁶. При этом, скорее всего, имелись в виду как беженцы, так и революционеры. «Успех возмущений» на территории Османской империи казался Закревскому крайне опасным и для России, а восстание в Валахии он ставил в один ряд с европейскими револю-

¹⁰ Подробнее о теории заговора в связи с масонством и тайными обществами см.: *Roberts J.M. The mythology of the secret societies. L., 1973; Биберштайн И.Р. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб., 2010; Смит Д. Работа над диким камнем. Масонский орден и русское общество в XVIII в. М., 2007.*

¹¹ *Белюсов М.С., Абдуллаев Я.С. Первые испанские революции и правящие круги Российской империи // Российская история. 2021. № 1. С. 46–57.*

¹² Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сборник ИРИО). Т. 78. СПб., 1891. С. 64; *Фадеев А.В. Указ. соч. С. 115. О деятельности Киселёва на посту начальника штаба 2-й армии см.: O'Meara P. General P.D. Kiselev and the Second Army HQ at Tul'chin, 1819–1829 // Slavonic and East European Review. Vol. 88. 2010. № 1/2. P. 261–290.*

¹³ ОР РНБ, ф. 859, к. 9, д. 13, л. 60 об.

¹⁴ Сборник ИРИО. Т. 78. С. 84, 106.

¹⁵ Там же. Т. 73. СПб., 1890. С. 154.

¹⁶ Там же. Т. 78. С. 246–247.

циями. «По известиям Вашим о происшествиях в Турине весьма ясно, чего ожидать следует, — делился он своими соображениями с кн. П.М. Волконским 25 марта (6 апреля) 1821 г. — Бунтовщики могут действовать в тыл австрийцам, коих войска, посланные к Неаполю, едва ли достаточны будут уничтожить и неаполитанскую армию. Заключение Ваше на счёт ненадёжного положения Франции и даже Германии не подлежит сомнению... Прибавьте к этому происшествие, Вам, конечно, уже известное, о беспокойствах в Молдавии и Валахии: будут ли равнодушно смотреть на это турки?.. Словом, больших происшествий ожидать должно, и благоразумная предусмотрительность требует брать заблаговременно меры»¹⁷.

Конспирологическая риторика была характерна и для члена Государственного совета гр. П.Х. Витгенштейна, командовавшего 2-й армией, которая дислоцировалась на границе с Османской империей. Он не скрывал своей симпатии к грекам¹⁸. Вместе с тем в переписке с гр. Ф.В. Остен-Сакеном 24 апреля 1821 г. гр. Витгенштейн отзывался о Владимиреску как о «карбонарии», пусть и поднявшем изначально бунт против валашского боярства, а не султана¹⁹. Любопытно, что к данному письму прилагалась «Записка о греческом восстании 1821 г.», в которой описывалось устройство «могущественной» и «многочисленной» «Филики Этерии». При этом постоянно проводились аналогии с масонскими ложами, а само тайное общество изображалось настоящим демиургом революции. Именно его лидеры, по словам автора записки, воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, произвели «возмущение в Греции ныне случившееся»²⁰.

Как результат деятельности тайных обществ рассматривал греческое восстание и генерал-майор кн. Н.Р. Кантакузен, желавший через Киселёва, ходатайствовавшего за него в 1822 г. перед кн. Волконским, добиться милости Александра I. Павлу Дмитриевичу кн. Кантакузен рассказывал, что его обманом втянули в этеристское дело и теперь ему грозит месть заговорщиков, защитит от которой может только монарх²¹. 16(28) января 1822 г. кн. Кантакузен писал, что своими корнями «Филики Этерия» уходит во времена Французской революции, но создано общество было лишь в 1816 г., явно «в масонском жанре», причём при наборе новых членов его лидеры демонстрировали «суеверие и притворство»²². Долгое время конспираторы собирали деньги, вербовали агентов и осознанно готовили революцию, возглавить которую предстояло кн. Ипсиланти. Но тому не удалось договориться о совместных действиях с Владимиреску, сказавшись его «вероломство», а когда он узнал, что «система греческой Этерии в этих двух княжествах оказалась разрушена», то вместе с братьями бежал в Австрию²³. Тем самым ответственность за начало греческой революции генерал перекладывал на тайное общество «масонского жанра».

Схожие суждения высказывали и служащие МИД. Как вспоминал Д.Н. Свербеев, начинавший свою карьеру по дипломатическому ведомству, в 1821–1822 гг. он верил в «солидарность филэллинов и их главного женеvско-

¹⁷ Там же. Т. 73. С. 151.

¹⁸ *Bitis A.* The Russian army and the Eastern question, 1821–1834. Ph.D. Diss. L., 2000. P. 62.

¹⁹ ОР РНБ, ф. 859, к. 9, д. 13, л. 20.

²⁰ Там же, л. 26 об.–28 об.

²¹ Там же, л. 61–62 об.

²² Там же, л. 44 об.

²³ Там же, л. 39–41 об.

го комитета с карбонарами и революционерами всех цветов». Более того, по его словам, и Александр I подозревал «по внушениям из Вены, что возмущение греков было в связи с итальянской тогдашней небольшой революцией». Со временем Свербеев изменил свою позицию. Уже в 1823 г. его смутила беседа между консервативно настроенными французским и баварским посланниками в Швейцарии, которые, желая побороть «тайные общества, скрытно действующие против свободы народов», поддерживали самые радикальные антиконституционные меры. А в 1825 г. гр. Каподистрия предоставил Свербееву, в то время — атташе русского представительства в Женеве, протоколы женевских собраний «Филики Этерии». Убедившись при их чтении, что «общество филэллинов... не имело ни малейшей связи со всеми другими разрушительными обществами, как, напри[м]ер, председательствуемым Лафайетом *Comité Directeur*, существование коего подразумевалось в Париже, или с вентами итальянских карбонари и скрывающихся в Германии их адептов», Свербеев даже пытался переслать эти протоколы гр. Нессельроде, надеясь через него повлиять на царя²⁴.

Глава русской миссии в Константинополе в 1816–1821 г. барон Строганов, получив известие о восстании кн. Ипсиланти, направил ему 6(18) марта 1821 г. письмо, в котором порицал действия молодого генерал-майора, называя их «порождением разрушительных принципов», противоречащих политике Александра I, и призывал его «прекратить гражданскую войну» и «остановить кровопролитие»²⁵. 18(30) марта барон также направил ноту турецкому правительству, предупреждая Порту о разгорающейся революции. В ней, как и в похожих по содержанию обращениях к великому визирю, он выражал презрение к бунтовщикам и убеждал советников султана наказывать виновных²⁶. Даже в ультиматуме, врученном 18(30) июля и содержавшем требования очистить княжества от османских войск и возобновить навигацию в проливах, говорилось о том, что император не сочувствует мятежу, решительно осуждая «действия зачинщиков революции» и их «пагубные заблуждения», направленные на расшатывание государственного порядка как в Турции, так и в Европе²⁷.

Поццо-ди-Борго, считавшийся одним из самых последовательных сторонников урегулирования кризиса на Балканах без участия европейских держав, 7(19) августа 1821 г. сообщал Нессельроде о позиции прусского правительства: «Рассматривая греческое восстание в его связи с тем духом вольнодумства, который нарушает и ставит под угрозу социальный порядок в Европе, берлинский двор всё же проводит справедливое различие между положением и кознями тех людей, которые сеют смуту... и положением греков-христиан, находящихся в рабстве у турок — варваров и мусульман. С точки зрения всеобщей политики, в этом восстании можно усмотреть новые опасности, которые необходимо отвратить»²⁸. Гр. Ливен в своём донесении в Петербург 27 ноября (9 декабря) 1821 г. привёл слова лорда Каслри о том, что «восстание в Греции

²⁴ Свербеев Д.Н. Мои записки / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2014. С. 329–330, 334, 348.

²⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 2 / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий (далее — ВПР). Т. 4(12). М., 1980. С. 50; Prokesh-Osten A. Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche im Jahre 1821 und der Grundung des hellenischen Koingreiches. Aus diplomatischem Standpuncte. Bd. 3. Wien, 1867. S. 70.

²⁶ РГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 127, л. 1 об.—3. См. также: Там же, ф. 1040, оп. 1, д. 81.

²⁷ Апу Г.Л. Этеристское движение в России... С. 311; Prokesh-Osten A. Op. cit. Bd. 3. S. 100.

²⁸ ВПР. Сер. 2. Т. 4(12). С. 252.

при его нынешнем состоянии создаёт своего рода прибежище для мятежников всех стран». Со своей стороны, граф также проводил черту между «законными интересами угнетённых греков, имеющих в силу договоров право взывать к России о заступничестве, и преступниками, выступающими ныне под знаменем мятежа в едином строю с возмутителями спокойствия Европы»²⁹.

Посланник в Турине Г.Д. Мочениго 3(15) сентября 1821 г. ожидал, что «сила возмущения в Греции заставит главарей вспыхнувшего восстания вступить в сношения с вожаками мятежников в Италии и Испании»³⁰. В том, что смута в Греции наверняка эксплуатируется европейскими революционерами для распространения своих возмутительных теорий, не сомневался и русский посланник в Берлине барон Д.М. Алопеус. Вместе с тем он напоминал, что восставшие греки — это «народ, который может иметь свои недостатки, но несчастье и угнетение которого требуют уважения и сострадания»³¹. Татищев проявлял интерес к восточным делам ещё будучи посланником в Мадриде³². В 1821 г. он враждебно отзывался о политике Порты в отношении её христианских подданных, но одобрял жёсткие меры, принятые для борьбы с бунтовщиками³³. Возглавив в 1822 г. русское посольство в Вене, Татищев достаточно быстро сблизился с кн. К. Меттернихом и 25 марта (6 апреля) 1823 г. уверял Петербург, что «мы не имеем никакой причины не быть довольными точкой зрения венского кабинета на Восточный вопрос»³⁴. Судя по всему, он и сам тогда разделял позицию кн. Меттерниха, видевшего в греческой революции одну из главных угроз для легитимного порядка как в Османской империи, так и в Европе. Временно управлявший торговыми делами в Константинополе М.Я. Минчаки в 1824 г., сетуя на превращение Мореи в «окровавленного призрака», обрекающего себя на гибель, винил в этом «опасения, надежды, притязания и корыстные расчёты, порождённые революцией, которая разожгла такие страсти». Спасение Эллады от нараставшего хаоса он связывал с коллективным вмешательством великих держав³⁵.

Представления современников о событиях первой половины 1820-х гг. на Балканском полуострове ярко отразил «Исторический мемуар о происхождении и успехах Этерии», составленный в 1825 г. Д.В. Дашковым, бывшим недолгое время исправляющим должность управляющего делами константинопольской миссии, на основе заметок кн. А. Ханджери, гр. Булгари, купцов Мавро и Барби и др.³⁶ В нём происхождение «Филики Этерии» переносилось в эпоху

²⁹ Там же. С. 386.

³⁰ Там же. С. 285.

³¹ Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами / Сост. Ф.Ф. Мартенс. Т. 7. СПб., 1885. С. 417.

³² Видимо, не случайно в его личном фонде сохранилась анонимная записка «Изложение средств, которые могут при нынешних обстоятельствах служить умиротворению Греции» (ОР РНБ, ф. 762, оп. 1, д. 83, л. 5). В ней воспроизводилось мнение, высказанное гр. Н.С. Мордвиновым в письме к барону Строганову 15(27) июля 1821 г. и позднее опубликованное: *La Pacification de la Grece* (№ 1196) // Архив графов Мордвиновых. Т. 6. СПб., 1902. С. 286–290.

³³ ОР РНБ, ф. 762, оп. 1, д. 85, л. 1 об.—2.

³⁴ Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. Ч. 1. СПб., 1878. С. 322.

³⁵ ВПР. Сер. 2. Т. 5(13). М., 1982. С. 517–520. См. также его письмо к гр. Нессельроде 5(17) марта 1824 г.: Там же. С. 369.

³⁶ РГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 168, л. 14–19 об. Записку кн. Ханджери, датированную 18 мая 1825 г., см.: Там же, л. 5–11. В материалах Н.К. Шильдера сохранилась копия записки Дашкова: ОР РНБ, ф. 859, к. 9, д. 13, л. 75–87.

Французской революции, а непосредственное основание в 1814 г. приписывалось членам «европейской революционной секты». При этом утверждалось, что первоначально это была типичная европейская революционная организация, которой руководили карбонарии, следовавшие якобинским правилам и статутам. Сменившие их затем греческие патриоты стремились уже к осуществлению национальных идей, но их методы оставались такими же антилегитимистскими. Образовав «секретный комитет в Вене», этеристы собирали деньги на «политический заговор», привлекали добровольцев из российской диаспоры, а с 1818 г. уже вели агентурную работу в Петербурге и даже пытались привлечь на свою сторону гр. Каподистрию. Именно они финансировали и организовывали восстание кн. Ипсиланти, который лишь осуществлял планы могущественного тайного общества. Однако его неудачный поход в Валахию подорвал репутацию и финансовые средства Этерии, уже не влиявшей на движение в Морее, и к 1825 г. переключившейся в основном на сбор пожертвований для повстанцев через свои европейские комитеты³⁷.

Остро реагировали на происходившие на Балканах события и высшие сановники империи, в частности, министр внутренних дел гр. В.П. Кочубей и министр духовных дел и народного просвещения кн. А.Н. Голицын, принадлежавшие к ближайшему окружению императора. Узнав о восстании кн. Ипсиланти, гр. Кочубей сразу же приказал градоначальникам Одессы и Таганрога гр. А.Ф. Ланжерону и П.А. Бабкову приостановить выдачу паспортов местным грекам, желавшим перейти границу с Турцией, поскольку «у императора вызовет чувство глубокого огорчения участие кого-либо из подданных в мятеже, который, вне зависимости от его причины, его величество никогда бы не смог одобрять в принципе»³⁸. 15(27) ноября 1825 г. в письме к герцогу А.Э. Ришелье граф утверждал, что царь, несмотря на притеснения христиан, не хотел разрушения Османской империи³⁹. Не одобрял восстания в Дунайских княжествах и кн. Голицын, в остальном сочувствовавший грекам и участвовавший в оказании им гуманитарной помощи. Ответственность за мятеж возлагалась им, как и другими, на тайные общества, а кн. Ипсиланти воспринимался как изменник, нарушивший клятву верности царю⁴⁰. Оказание помощи карбонариям и подобным им заговорщикам глава «сугубого Министерства» считал совершенно недопустимым⁴¹.

Бессарабский вице-губернатор Ф.Ф. Вигель впоследствии вспоминал про 1820-е гг.: «Вспыхнули Португалия, Неаполь, Сардиния, а в следующем году и Греция. Ещё скорее сие пагубное действие можно было сравнить с электрическим проводником, который в минуту пожирает великое пространство; ибо порывы бури, возникшей на берегах Таго, к концу года (хотя весьма слабо) отозвались и на берегу Невы». Восстание кн. Ипсиланти «совпадало с другими совершившимися на Западе, казалось, в тайной связи с ними и как бы продолжением мятежной цепи». Учитывая «демократический дух этого возмущения»,

³⁷ РГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 168, л. 14 об.—15 об., 17—19.

³⁸ *Ари Г.Л.* Этеристское движение в России... С. 310.

³⁹ Сборник ИРИО. Т. 54. СПб., 1886. С. 634—635.

⁴⁰ *Ари Г.Л. И.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг. М., 1976. С. 226—227.

⁴¹ О необходимости вооружённой борьбы со злом, уже «революционизировавшим три страны», Голицын много дискутировал с Александром I (*Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: опыт исторического исследования. Т. 1. СПб., 1912. С. 552).

поддерживать его было нельзя, тогда как жестокости турок, служившие одной из причин воинственности русского общества, Вигель связывал с тайными подстрекательствами «самих же либералов»⁴².

Талантливый рассказчик и внимательный наблюдатель И.П. Липранди, в начале 1820-х гг. служивший в Одессе чиновником по особым поручениям при гр. Воронцове, в своих позднейших записках отмечал, что «дерзкое предприятие этеристов» началось «в весьма ограниченном круге», который мемуарист называл не иначе, как «шайкой». Однако затем, нуждаясь в финансовых и людских ресурсах, оно быстро разрослось при попустительстве гр. Ланжерона и Н.Н. Инзова. Липранди подробно описал биографии разных членов тайного общества, подкуп ими местных чиновников, поиск денег и добровольцев для похода, предводитель которого «князь Александр был человеком вполне ничтожным, что из всех его действий и видно»⁴³. Тем самым перед читателями складывалась картина тщательно спланированной от начала и до конца военной революции⁴⁴.

Много внимания греческим делам всегда уделял А.С. Стурдза, вплоть до 1821 г. совмещавший литературную деятельность с исполнением обязанностей секретаря канцелярии гр. Каподистрии⁴⁵, потомок господарей Молдавии и грек-фанариот по матери. В составленном им 3(15) февраля 1821 г. тексте проекта царского рескрипта на имя гр. Каподистрии говорилось о разрушительной силе «таинственных и преобразующих» обществ, особенно карбонарских вент и иллюминатских сект, пытавшихся подорвать основы древних монархических устоев и всего социального и политического порядка в Европе. Возникновение «несметной толпы революционных клубов» напрямую связывалось в документе с масонскими ложами, распространившимися по всему континенту, включая Россию. Стурдза считал, что только строгий правительственный надзор за масонами мог предотвратить их соединение в полноценный «арсенал революционных фракций»⁴⁶.

Как установили Т. Прусис и С. Гервас, борьба в Греции являлась единственным случаем, когда гр. Каподистрия и его секретарь публично встали на сторону восстания против законной власти⁴⁷. Стурдза принадлежал к числу сторонников объявления войны Турции и создания независимого греческого государства⁴⁸. Однако обосновывалось это всё в том же конспирологическом духе. В переписке с графами Каподистрией и Нессельроде весной 1821 г.

⁴² Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 243, 266.

⁴³ РГИА, ф. 673, оп. 1, д. 234, л. 10.

⁴⁴ Там же, д. 237, л. 69–70 об.; д. 236, л. 13–17 об., 39–46, 71 об.–74. Об основных произведениях Липранди см.: Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980. С. 201–207.

⁴⁵ Подробнее о нём см.: *Ghervas S. Alexandre Stourdza (1791–1854): Un intellectuel orthodoxe face a l'Occident.* Geneva, 1999; *Ghervas S. Réinventer la tradition: Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance.* P., 2008; *Martin A.M. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I.* DeKalb, 1997. P. 170–173; *Парсамов В.С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей александровской эпохи. Саратов, 2004. С. 5–21.

⁴⁶ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (далее – РО ИРЛИ), ф. 288, оп. 1, д. 25, л. 2–7.

⁴⁷ *Prousis Th. C. Aleksandr Sturdza: A Russian Conservative Response to the Greek Revolution // East European Quarterly.* Vol. 26. 1992. № 3. P. 320; *Ghervas S. Le philhellénisme d'inspiration conservatrice en Europe et en Russie // Peuples, états et nations dans le Sud-Est de l'Europe.* Bucharest, 2004. P. 103–110.

⁴⁸ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 2, д. 15, л. 5–8 об., 13–20 об., 21–24 об.

Стурдза доказывал, что греков нельзя уравнивать с испанскими или неаполитанскими революционерами, поскольку они не являлись подданными христианского монарха, а оставались рабами и данниками чужеземного мусульманского владыки, угнетавшего их народ более 400 лет⁴⁹. В записке «О греческих делах» 27 июля 1821 г. он признавал «возможность и даже правдоподобность» подготовки выступления кн. Ипсиланти руководящим комитетом в Париже, но ему казалось, что подобные «частные интриги» не имели значения на фоне основной причины восстания — стремления освободиться от жестоких, кровожадных и некомпетентных султанов и визирей, от турецкой тирании, и защитить от них свою родину и веру⁵⁰. Характерно, что тогда же в коротком литературно-публицистическом произведении «Греция в 1821 и 1822 году»⁵¹ Стурдза наделил одного из персонажей нарочито конспирологическими взглядами, согласно которым единственной причиной революции провозглашался заговор парижского комитета карбонариев, а греки приравнивались к его прихвостням. Его воображаемый корреспондент, наоборот, опровергал эти представления и раскрывал освободительный и религиозный характер начавшейся борьбы.

Гр. Каподистрия, этнический грек довольно свободолюбивых убеждений, в 1816–1822 гг. управлявший МИД вместе с гр. Нессельроде и, по мнению современников и исследователей, олицетворявший «либеральное» направление внешней политики Александра I, сильно переживал за судьбу своих соотечественников. Он не разделял взглядов руководителей «Филики Этерии»⁵², называя это тайное общество «сектой», видевшей в бунте против законной власти султана единственный способ освобождения Греции. Граф надеялся осуществить его под покровительством Российской империи после успешной русско-турецкой войны. Этеристам, по его мнению, следовало не поддаваться «гибельному заблуждению страстей», пожалеть «себя и их столько же несчастный, сколько и невинный народ... отказаться от своих революционных происшествий и жить по-прежнему под властью теперешних их правительств, пока Провидение не решит иначе»⁵³.

Действия кн. Ипсиланти застали гр. Каподистрию врасплох. Он не скрывал, что не понимает, «к чему всё это приведёт»⁵⁴. В частном письме к Стурдзе 30 марта (11 апреля) 1821 г. граф с явным огорчением отмечал: «В момент, когда Европе со всех сторон угрожают революционные взрывы, как не признать в том взрыве, который произошёл в княжествах, идентичный результат тех же самых интриг, которые навлекли на один из полуостровов несчастья войны и военной оккупации, а на другой — ещё более ужасный бич демагогического деспотизма»⁵⁵. 15 апреля он ставил перед бароном Строгановым вопрос: «Что станется со столькими несчастными, оказавшимися вовлечёнными в этот огромный заговор, от которого будет зависеть судьба Греции или Турецкой империи?». С лета 1821 г. активно добиваясь вступления России в войну с сул-

⁴⁹ Там же, д. 25, л. 29–32 об.; д. 28, л. 1–3.

⁵⁰ Там же, д. 22, л. 3; *Prousis Th. C. Aleksandr Sturdza...* P. 324.

⁵¹ [Stourdza A.] *La Grèce en 1821 et 1822. Correspondance politique publiée par un Grec.* P., 1823. P. 1–10, 13–30, 40–56, 78–81. Первая публикация появилась в 1822 г.

⁵² *Аруи Г.Л.* Новые данные об отношении царского правительства к «Филики Этерии» // Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации. М., 1966. С. 8–15.

⁵³ Сборник ИРИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 217, 370–372.

⁵⁴ *Аруи Г.Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение...* С. 216.

⁵⁵ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 185а, л. 2.

таном, гр. Каподистрия отнюдь не изменил своего отношения к революционерам. Они по-прежнему вызывали у него чувства ненависти и отвращения. В провале «вдохновителей этой великой катастрофы... Ипсиланти, Кантакузины, Суццо» граф видел заслуженное воздаяние свыше⁵⁶. В «Заметке для памяти», приложенной к письму генеральному консулу в Дунайских княжествах А.А. де Пини, 11(23) октября 1821 г. гр. Каподистрия размышлял о том, что грекам необходимо заручиться поддержкой Европы против турок, а для этого нужно отказаться от планов введения республиканского или представительного правления, избегая той «заразы», которую революции «внесли» в общественную жизнь⁵⁷. Так или иначе, призрак заговора тайных обществ часто тревожил гр. Каподистирию на исходе его службы в России, что отражалось в его официальных и частных, публичных и конфиденциальных текстах.

Но ещё более последовательно об ответственности тайных обществ за кровопролитие и беспорядки в Османской империи заявлял статс-секретарь гр. Нессельроде, которого в историографии принято считать одним из главных сторонников реакционного курса во внешней политике⁵⁸. Находясь вместе с императором на конгрессе в Лайбахе, граф 23 февраля (7 марта) 1821 г. писал де Пини, что «в Валахии, так же, как и в Мадриде, Лиссабоне и Неаполе, кучка изменивших присяге бунтовавших солдат открыла ворота и пыталась свергнуть государство в руки Анархии. Там, как и здесь, предводители лицемерно выражали глубочайшее уважение к государю... стремясь в то же время захватить власть и осуществить свои планы переворота»⁵⁹. Гр. Ланжерону 2(14) апреля он сообщал, что за кн. Испиланти стоит греческое тайное общество, «так называемые “друзья”», — получившая «ужасное влияние» на Востоке «секта», члены которой «есть не только среди большого числа греческих офицеров и чиновников, а также натурализовавшихся и оставшихся торговцев, но и среди русских национальных агентов и купцов»⁶⁰.

В депеше, разосланной им 28 апреля (10 мая) 1821 г. российским представителям в Европе, категорически порицались все революционные движения, включая и восстание в Валахии⁶¹. В сентябре 1822 г., обращаясь в циркулярном письме к главам дипломатических ведомств великих держав, гр. Нессельроде указывал на то, что волнения в Греции являлись «исключительно делом рук сект заговорщиков, торжествующих в Испании и Португалии, одержавших временную победу в Италии и всё ещё пытающихся потрясти устои нескольких государств Европы»⁶². Летом 1824 г. он вновь напомнил Алопеусу, гр. Ливену, Поццо-ди-Борго и Татищеву о потенциальной опасности для России «последней из революций»⁶³. 18(30) декабря того же года граф делился с Алопеусом и Поццо-ди-Борго своими соображениями о необходимости скорейшего умиротворения Греции, дабы «революционная чума» не распространилась далее,

⁵⁶ *Ари Г.Л.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение... С. 217, 219.

⁵⁷ Там же. С. 245.

⁵⁸ См., в частности: *Шебунин А.Н.* Европейская контрреволюция первой половины XIX в. Л., 1925. С. 185–187; *Фадеев А.В.* Указ. соч. С. 63–64.

⁵⁹ Цит. по: *Фадеев А.В.* Указ. соч. С. 47. Копию депеши см.: *Prokesh-Osten A.* Op. cit. Bd. 3. S. 59.

⁶⁰ ОР РНБ, ф. 859, к. 9, д. 13, л. 5–5 об.

⁶¹ История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999. С. 191.

⁶² ВПР. Сер. 2. Т. 4(12). С. 584.

⁶³ Там же. Т. 5(13). С. 566.

в том числе и в Россию⁶⁴. Весной 1825 г. ему казалось, что «банкиры и либералы», снабжавшие греков деньгами и оружием и направлявшие к ним волонтеров, постепенно приобретут такое влияние на повстанцев, «которое кабинеты не смогут ни уменьшить, ни побороть». А это, вероятно, «приведёт к освобождению Греции от турецкого господства, но лишь для того, чтобы она подпала под ярмо людей, чьи усилия направлены всецело на ниспровержение социального порядка»⁶⁵.

О.В. Орлик отмечала, что со временем даже такой апологет реакции, как Нессельроде, стал склоняться к более решительной политике. Так, 6(18) августа 1825 г. в его инструкции Алопеусу, Поццо-ди-Борго и Татищеву рекомендовалось не принимать в расчёт доводы иностранных дипломатов, а 10(22) октября в одном из последних своих докладов Александру I он подверг резкой критике действия Австрии и интриги кн. Меттерниха⁶⁶. Но и тогда граф не переставал верить в мировой заговор тайных обществ и, в частности, в центральный комитет в Париже, который будто бы при помощи военных революций повсеместно распространял хаос, анархию и безначалие. В той же августовской инструкции 1825 г., направленной представителям России в Вене, Берлине и Париже, говорилось о «злосчастных волнениях», способных привести либо к «уничтожению христианского народа, обитающего на границе христианского мира», либо к губительной «победе такой власти, которая является по существу демократической и революционной»⁶⁷. Подобных представлений гр. Нессельроде придерживался и впоследствии. При Николае I он стал лишь менее зависимым от Меттерниха и более расположенным к активному поведению на международной арене⁶⁸.

Под сильным влиянием мифа о всеевропейском заговоре в начале 1820-х гг. находилось не только окружение российского императора, но и сам Александр I. Пытаясь оправдаться, кн. Ипсиланти 24 февраля (8 марта) отправил ему письмо, в котором объяснял свои мотивы и призывал царя стать «освободителем Греции»⁶⁹. Александр I был неприятно удивлён случившимся на Дунае. Прочитав послание своего бывшего флигель-адъютанта, ставшего предводителем повстанцев, он 10(22) марта, сообщил кн. Голицыну: «Независимо от того, что происходит в Пьемонте, в Валахии вспыхнуло восстание против власти Османской империи, и мы только что получили известие, что князь Ипсиланти... внезапно прибыл в Яссы и объявил тамошнему господарю, что он призван греками Эпира и Мореи... чтобы освободить их от владычества Порты... Но нет сомнения в том, что толчок к этому мятежному движению был дан тем же центральным комитетом в Париже, намеревавшимся этой диверсией спасти Неа-

⁶⁴ Там же. С. 658.

⁶⁵ Там же. Т. 6(14). М., 1985. С. 132–133.

⁶⁶ Орлик О.В. Россия в международных отношениях, 1815–1829: от Венского конгресса до Адрианопольского мира. М., 1998. С. 98–100.

⁶⁷ ВПР. Сер. 2. Т. 6(14). С. 236.

⁶⁸ О влиянии кн. Меттерниха на гр. Нессельроде см.: Кудрявцева Е.П. Два канцлера: Меттерних и Нессельроде // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 1(64). С. 45–58. Тем не менее составленная в 1830 г. в III отделении Собственной е.и.в. канцелярии «картина общественного мнения в 1829 году» сообщала императору, что в обществе гр. Нессельроде «всегда подозревают в тайной приверженности венскому кабинету и в предосудительной близости с Меттернихом и Лебцельтерном» (Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. 1930. Т. 1(38). С. 128).

⁶⁹ Prokesh-Osten A. Op. cit. Bd. 3. S. 61–62; Апу Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. М., 2013. С. 259–260.

поль и не допустить, чтобы мы уничтожили одну из синагог Сатаны, созданных исключительно для распространения антихристианской доктрины. Ипсиланти в письме, адресованном мне, открыто говорит, что он принадлежит к тайному обществу, образованному с целью спасения и возрождения Греции. Однако все эти тайные общества подчиняются центральному комитету в Париже. У революции в Пьемонте были аналогичные цели»⁷⁰.

14(26) марта в официальном письме, написанном гр. Каподистрией, царь обвинял мятежного князя в обмане своих соотечественников и заявлял, что этеристы не могут рассчитывать на какую-либо помощь России, «так как было недостойно его подрывать устои Турецкой империи позорной и преступной акцией тайного общества». Тем не менее поступок кн. Ипсиланти бросал тень на политику Петербурга и способствовал ухудшению русско-турецких отношений⁷¹. Поэтому весной 1821 г. Александр I требовал от барона Строганова не только оказать давление на султана и не допустить кровавых расправ над христианским населением, но и разъяснить позицию императора: «Пусть Порта знает, что мои принципы никогда не позволят мне поощрять восстание»⁷². На Веронском конгрессе осенью 1822 г. царь назвал революцию в Греции «преступным предприятием»⁷³. В ноябре 1822 г. он говорил виконту Ф.Р. де Шатобриану: «Более не может быть английской, французской, русской, прусской, австрийской политики; теперь есть лишь всеобщая политика, которая должна, ради всеобщего блага, совместно осуществляться народами и монархами. Я должен первым доказать свою приверженность принципам, на которых я основал союз. Для этого представился случай: греческое восстание. Ничто, казалось бы, не соответствует в большей степени моим интересам и интересам моих народов, чем религиозная война против Турции (так считает общественное мнение моей страны), но в пелопонесских беспорядках я усмотрел знак революции. Поэтому я предпочёл остаться в стороне. Королям должно быть позволено состоять в открытом союзе, защищающем от тайных обществ... Провидение дало мне 800 тысяч солдат не чтобы удовлетворять мои амбиции, а чтобы защищать религию, мораль и справедливость, и чтобы воцарился принцип порядка, на который опирается человеческое общество»⁷⁴.

Австрийский посланник в Петербурге гр. Л. Лебцельтерн в донесении кн. Меттерниху 2(14) августа 1824 г. характеризовал Александра I как одного из главных защитников спокойствия и порядка в Европе от революционной угрозы⁷⁵. Но сам Меттерних хорошо понимал страхи царя: «Он нуждается в со-

⁷⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I... Т. 1. С. 558. О том, что кн. Ипсиланти действует по указанию парижских революционеров «из всех стран», желавших «разорения всех тронов и ниспровержения общественного порядка» и попытавшихся таким образом «прийти на помощь своим братьям в Италии», летом того же года царь говорил французскому послу в Петербурге О. де Лаферроне (Там же. Т. 2. СПб., 1912. С. 374–375).

⁷¹ Prokesh-Osten A. Op. cit. Bd. 3. S. 65–67.

⁷² ВПР. Сер. 2. Т. 4(12). С. 94.

⁷³ Рэй М.-П. Александр I. М., 2013. С. 380; Фадеев А.В. Указ. соч. С. 65. Делегации временного греческого правительства не позволили тогда принять участие в заседаниях как «совершенно недостойной симпатии» (Nichols I.C. The European Pentarchy and the Congress of Verona, 1822. The Hague, 1971. P. 254).

⁷⁴ Рэй М.-П. Указ. соч. С. 381; Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 4. С. 259; Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I... Т. 1. С. 295–296.

⁷⁵ Николай Михайлович, вел. кн. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816–1826 гг. СПб., 1913. С. 161–162.

ветниках, ибо потерял всех своих советников; на Каподистрию он смотрит, как на вождя карбонариев; он не доверяет своей армии, своим министрам, своему дворянству, своему народу... А знаете ли Вы единственный истинный мотив нежелания императора Александра видеть хотя бы один только корпус армии, всего десять тысяч человек, расположенным за границей? Это — его убеждение, что корпус перейдёт на сторону врагов, настолько либеральная работа бравых ребят, окружавших государя, разложила эту самую армию»⁷⁶. В 1825 г., уже склоняясь к вооружённому вмешательству в греческие дела, Александр I, судя по его циркулярному обращению 4(16) апреля к союзным монархам, руководствовался не только чувством христианского человеколюбия, но и стремлением устранить революционную угрозу, исходившую от восставших⁷⁷.

В самом начале кризиса царь достаточно чётко сформулировал свою позицию: «Если мы ответим туркам войною, парижский главный комитет восторжествует, и ни одно правительство не останется на ногах. Я не намерен предоставить свободу врагам порядка»⁷⁸. Тогда ему казалось, что турки сами справятся с инсургентами и ввязываться в конфликт не стоит. Но к 1825 г. он убедился в том, что прекратить беспорядки на Балканах и потушить в Греции «пожар мировой революции» можно лишь силой великих держав. Таким образом, наметившийся поворот во внешней политике России был обусловлен не противоборством партий «мира» и «войны» или сугубо дипломатическими причинами (соперничество с Англией и разочарование в механизме коллективной безопасности), а внутренней логикой тех конспирологических соображений и страхов, которые высказывались в 1820-х гг. практически всеми высокопоставленными сановниками, независимо от их политических или ведомственных разногласий.

⁷⁶ Цит. по: *Шебунин А.Н.* Указ. соч. С. 180.

⁷⁷ *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. Т. 1. М., 1947. С. 246. *Prokesh-Osten A.* Op. cit. Bd. 4. Wien, 1867. S. 153–157.

⁷⁸ Цит. по: *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 504.